

По ту сторону женоненавистничества

Как понимать поддержку женщинами правых сил в Польше и Венгрии

«Что с ними не так?» – такой вопрос задал один из колумнистов газеты Guardian, пытаясь разобраться, почему женщины продолжают поддерживать Республиканскую партию в США. Эта тема подымается уже давно, однако ведущие комментаторы не перестают постоянно задаваться этим вопросом – как правило, в сочетании с изложением кошмарной истории о бурной патриархальной реакции под эгидой правопопулистских правительств.

Но вместо того, чтобы расширить наше понимание гендерных аспектов набирающего обороты правого популизма, этот вопрос способствует оправданию поддержки женщинами такого рода проектам через призму женского «искаженного сознания» – неспособности осознать притеснение – или «дрессируемой привилегии», под чем понимается предательство гендерных интересов или групп меньшинств с целью получения индивидуальных выгод.

Как следствие, упомянутый выше вопрос рассматривает женщин как жертв или двойных агентов патриархата – вместо того, чтобы подтолкнуть нас к серьезному восприятию женщин и их жизненных обстоятельств. Он также упускает из виду идеологическую многогранность проектов правого толка, которые никак не являются женоненавистническими, а сочетают в себе реакционные элементы с отстаиванием некоторых интересов женщин. Когда женщин с правыми настроениями преподносят как проблему, требующую безотлагательной реакции, это в том числе отвлекает внимание и от структурных причин, которые порождают поддержку правых политических взглядов в среде женщин.

Вместо того, чтобы задаваться вопросом, а что же не так с женщинами с правыми настроениями, нам стоило бы задаться другим вопросом: что не так с политико-экономической системой, в которой они оказались, и с реальными политическими альтернативами, имеющимися в их распоряжении? Вот анализ

положения дел в Польше и Венгрии, который может пролить свет на эту ситуацию. Правящие партии обеих стран – «Право и справедливость» (ПиС), находящаяся у власти с 2015 года, и Фидес-ХДНП, находящаяся у власти с 2010 года, – осуществили антилиберальные трансформации, подрывая такие либерально-демократические институты как верховенство права, подчиняя государственный аппарат, выявляя и привлекая на свою сторону правозащитные общественные организации и сокращая либеральную инфраструктуру, ответственную за права женщин.

Несмотря на радикальную платформу, обе партии привел к власти несколько более высокий процент избирателей-женщин по сравнению с процентом избирателей-мужчин, и обе партии продолжают опираться на постоянную поддержку со стороны женщин. Целых 39,7 процентов польских женщин поддержали ПиС в 2015 г., в то время как процент сторонников этой партии среди мужчин составил 38,5 процентов; и этот показатель лишь незначительно снизился после двух лет пребывания у власти – даже несмотря на постоянные риски для репродуктивных прав. В 2018 г., в условиях рекордной явки избирателей за всю историю, 52 процента женщин проголосовали за Фидес-ХДНП – на фоне 46 процентов мужчин. Как же нам разобраться в первопричинах этой непрекращающейся поддержки?

Они голосуют не только как женщины

Первое и самое важное: современная политическая реальность, замутненная популярной феминистической риторикой, характеризуется тем, что проблемы избирателей выходят за рамки гендерных разграничительных линий и часто определяются более широким спектром социально-экономических различий. Женщины голосуют за эти партии не только для решения женских вопросов, но и из-за общих с мужчинами своего национального сообщества или социального класса проблем и надежд, сигнализируя нам о текущей нехватке политических проектов, в основе которых лежит конструкт исключительно женских интересов. Как отмечается в недавнем венгерском исследовании, наиболее насущными проблемами, на которых делают акцент женщины, являются эксплуатация на рынке труда и неудовлетворительное положение дел в системах здравоохранения и образования.

Разумеется, эти проблемные вопросы имеют в своей основе гендерное измерение – например, феминизация некоторых малооплачиваемых сфер деятельности или работа по уходу и присмотру, которая ложится на женские плечи, – однако такие

вопросы не ограничены только рамками гендерного измерения. В ситуации, когда женщины не видят ни одной партии, которая бы обращала внимание на эти гендерные проблемы, они по-прежнему убеждены, что Фидес-ХДНП представляет их интересы наилучшим образом.

В условиях, когда все внимание оппозиционных партий поглощено отстаиванием отживших идей или осуществлением деятельности в привычном режиме, нет ничего удивительного в том, что в ряды антилиберально настроенных правых вливаются как мужчины, так и женщины.

Еще один ответ заключается в том, что правые популисты действительно обращают внимание на некоторые реальные гендерные интересы женщин: на те интересы, которые, по мнению Максина Молине, произрастают скорее из позиционирования женщин в рамках гендерно обусловленного разделения труда, чем из очередной теории о притеснении женщин. Как ПиС, так и Фидес-ХДНП занялись устранением некоторых социально-экономических последствий тех трансформаций, которые имели место в период после 1989 года и в особой мере оказали влияние на женщин, так как женщины несут первоочередную ответственность за семейные бюджеты, детей и другую работу по уходу и присмотру. В Центральной Европе переход к либеральной демократии шел в одной канве с приверженностью к неолиберальному мировому порядку, который определили данному региону полупериферийный статус.

В кругу других вопросов это приобрело форму отката государства назад в сферах, отвечающих за здравоохранение и административные услуги, что вылилось в растущее превращение себя в товар для тех, кто мог себе это позволить, и возврат из сферы производства в семью для тех, кто не мог себе этого позволить. Эти изменения расширили права и возможности некоторых женщин в пределах их собственного социального класса, однако они же и перенесли экономическое бремя жесткой экономии на плечи женщин с худшим экономическим положением. Превалирование культурного феминизма создало сложности для выявления структурных проблем. Незащищенность и неравенство, созданные этим двуличными гендерным режимом, – это именно то, что обе антилиберальные партии Центральной Европы использовали в своих интересах при апеллировании к своим избирателям женского пола.

Успешные меры по перераспределению

Образцовым примером является «Семья 500+» – одна из ключевых программ, которую ПиС запустила сразу после своего прихода к власти; данная программа предоставляет семьям безвозмездные ежемесячные денежные выплаты в размере 500 злотых (120 евро) на каждого второго и последующего ребенка, пока они не достигнут 18-летнего возраста, и на первого ребенка в семьях, ежемесячный доход в которых не превышает 190 евро на одного члена семьи.

Самая масштабная политика перераспределения с 1989 года существенно снизила уровень бедности среди семей с детьми, а также приобрела популярность и поддержку в обществе. В то время как оппозиция справедливо указывает на необходимость сокращения этой программы – а точнее на необходимость устранения акцента на модель традиционной семьи, что снижает уровень социальной защиты родителей-одиночек, – данные меры убеждают электорат в том, что их правительство реально и без шуток держит бразды правления в своих руках и обладает потенциалом к утверждению нового общественного договора, который не ущемляет их достоинства.

Семейная политика в Венгрии находится в недвусмысленном приоритете как часть демографической политики. Выгоды от оплачиваемой занятости – демонстрирующие явное предпочтение, отдаваемое нецыганским и гетеросексуальным семьям с неплохим заработком, – были расширены. Что же касается низших классов, то тут три меры оказывают ощутимый эффект на повседневную жизнь женщин: расширение программы общественных работ, обеспечивающей ежемесячный доход, который ниже уровня минимальной зарплаты, но выше размеров социального пособия; государственное вмешательство в энергетический сектор, благодаря чему снизились расходы на коммунальные услуги; и значительное повышение минимальной зарплаты, что также уменьшило гендерное неравенство в оплате труда – в условиях, когда женщины представлены в широком спектре видов деятельности с самыми низкими зарплатами.

Они не видят альтернатив

За кого прикажете голосовать женщинам? Призыв к выбору пресловутого «меньшего зла» или к возврату в прошлое утрачивает свою энергетику и мобилизационную привлекательность, причем

для разных электоральных групп. Как утверждает венгерский историк Андреа Пето, одного противодействия недостаточно; в первую очередь необходимо сделать выводы из того, как мы оказались в нынешней ситуации.

Тем не менее, венгерская оппозиция в последних избирательных кампаниях концентрировалась на продавливании избирательной системы с одним туром, а также на том, нужны ли технические коалиции и в каком именно формате. За предыдущие восемь лет они не предприняли никаких шагов, чтобы начать работу по привлечению широких масс на свою сторону; они также не предложили никакой альтернативы, которая бы выходила за рамки «Орбан или Европа». В условиях, когда все внимание оппозиционных партий поглощено отстаиванием отживших идей или осуществлением деятельности в привычном режиме, нет ничего удивительного в том, что в ряды антилиберально настроенных правых вливаются как мужчины, так и женщины.

Вместе с тем, для исправления ошибок нам необходимо нечто больше, чем покровительственно-высокомерно заклеить женский электорат как союзников патриархата.

Процесс трудоустройства, который американский литератор Синтия Энлоу назвала «феминистическим любопытством», а также серьезное отношение ко всем женщинам, их жизненным обстоятельствам и электоральному поведению – все это может иметь просвещающий эффект. Акцент на ограничениях политики идентичности, на важности реальных интересов и на дефиците жизнеспособных альтернатив – вот что подтолкнет нас к выходу за пределы привычных упрощенческих агрессивных стереотипов, когда мы пытаемся разобраться в причинах поддержки женщинами правых сил в Польше и Венгрии.

Вместо того, чтобы в семейно-ориентированной и традиционалистской идеологиях, поддерживаемых антилиберальной политикой правого толка, видеть исключительно реакционные и патриархальные настроения, будет полезным, возможно, преподнести эти идеологии как умеренную эмансипационную политику для некоторых – в условиях, когда прогрессивная политика увязла в широкомасштабном кризисе собственной легитимности. Когда происходит деградация как разветвленных систем социальной защиты на основе солидарной ответственности, так и альтернативных каналов политического влияния, упомянутые идеологии приобретают вес, предлагая социальную защиту и политическое представительство для четко очерченного круга лиц.

Минус на минус еще не дает плюс для женщин

Воспользовавшись провалами трансформационного процесса и ограниченными возможностями прогрессивных движений и партий по выработке действенной политики эмансипации, правые популисты в Центральной Европе временно смогли завоевать голоса женщин для своего проекта. Это идет вразрез с современной канвой обнадеживающих представлений о том, что женщины станут в ряды тех, кто спасет нас от правого движения.

И все же еще не означает правоты антилиберального ответа тот факт, что доминирующая либеральная парадигма в совокупности с белыми пятнами культурного феминизма или феминизма идентичности, которые не способны отреагировать на структурные проблемы, сами по себе были проблемой, а не решением. В сущности, Качиньский и Орбан занимаются строительством не социальной демократии, а скорее кланово-национального капитализма с семейным благодеянием.

Нынешняя модель управления, используемая правыми популистами, влечет за собой разнородную незащищенность и урезание возможностей: высшую меру радикализации, урезание журналистских и академических свобод, подчинение государственных структур, истребление современной гендерной концепции в научной среде, политической деятельности и за их пределами, а также беспощадный продуктивизм, воплощением которого являются недавно принятый в Венгрии «рабский закон» и отклонение социальных требований инвалидов в Польше.

Вместе с тем, для исправления ошибок нам необходимо нечто больше, чем покровительственно-высокомерно заклеить женский электорат как союзников патриархата. Нам необходима новая политика, которая учится на своих промахах и объединяет реальные интересы избирателей со стратегическими феминистскими целями: новая политика, которая реагирует на социально-экономические проблемы женщин таким образом, чтобы прежде всего изменить гендерные отношения, а не способствовать их закреплению.

Вероника Гржебальська

Варшава

Вероника Гржебальська (Weronika Grzebalska) – социолог и президент Польской ассоциации гендерных исследований. Ее деятельность сосредоточена на проблемах милитаризма, национальной безопасности и политике правого толка. Бывший член FEPS YAN, член научных сообществ университета Кларка (США), Института перспективных исследований в г. Кесег (Венгрия) и программы Trajectories of Change («Траектория изменений») Фонда газеты ZEIT.

Эстер Ковач

Будапешт

Эстер Ковач (Eszter Kovács) – постдок-исследовательница программы Марии Склодовской-Кюри в Институте политических наук Венского университета, а также научный сотрудник Центрально-Европейского университета. С 2012 по 2019 год она отвечала за гендерную программу Фонда им. Фридриха Эберта в странах Центральной и Восточной Европы в Будапеште.

